

«ОГНЕННЫЙ ВАЛ»: ПИРОТЕХНОЛОГИИ В ТРАДИЦИОННОМ ХОЗЯЙСТВЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ*

Сергей Туров

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

“BARRAGE FIRE”: PYROTECHNICS IN THE TRADITIONAL ECONOMY OF WESTERN SIBERIA AND THE TRANSFORMATION OF THE ENVIRONMENT**

Sergei Turov

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

This article carries out a comprehensive study of the use of open fire in the traditional economy of Western Siberia between the eighteenth and nineteenth centuries. For this purpose, the author studies the use of fire in the Russian peasant economy and by the native population of the region. The region's environment was affected by the use of open fire while the effect of the pyrogenically altered agro-industrial structure of the region. In the article, special attention is paid to the traditional and administrative regulation of the use of fire in economic activities. The ecological-historical method considers landscape and climate zoning in the study of local economic structures. The author uses historical and ethnographic methods, handling data from field ethnography and agricultural history. Documents from the Forest Department of the Ministry of Agriculture and State Property have the greatest potential for the subject explored. Open fire was widely used by Russian peasant farms. Fields and their boundaries were singed in order to destroy stubble and weeds. Last season's grass was burnt in

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 19–59–22008 «Развитие Западной Сибири в XIX – начале XXI в.: социально-экологические аспекты».

Citation: Turov, S. (2020). “Barrage Fire”: Pyrotechnics in the Traditional Economy of Western Siberia and the Transformation of the Environment. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1753–1766. DOI 10.15826/qr.2020.5.556.

Цитирование: Turov S. “Barrage Fire”: Pyrotechnics in the Traditional Economy of Western Siberia and the Transformation of the Environment // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1753–1766. DOI 10.15826/qr.2020.5.556 / Туров С. «Огненный вал»: пиротехнологии в традиционном хозяйстве Западной Сибири и трансформация среды обитания // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1753–1766. DOI 10.15826/qr.2020.5.556.

the spring on pastures and meadows. In the north of the region, Russians and indigenous peoples “renewed” the forest areas where they grew berries with the help of fire. The indigenous peoples of the taiga and tundra (Khanty, Mansi, Nenets) set the taiga on fire in order to attract fur-bearing animals and renew areas grown over with reindeer moss. In order to get rid of blood-sucking insects, both Russian cattle breeders and indigenous reindeer herders could not do without smudges. Russian peasants set forests on fire in order to create spacious insect-free pastures. All the aforementioned economic methods, as well as forest industries, often led to disastrous forest fires. They were especially destructive for the agro-industrial structure of northern floodwater cultivation, plunging the economy into a prolonged depression (impoverishment of hunting, fishing, and cedar production). Forest fires in the southern taiga and forest-steppe zones not only led to forest destruction but to soil degradation, marsh drainage, and the shallowing of rivers. The Russian and indigenous communities tried to regulate fire setting and singeing. However, the restrictions quite often existed on paper only. In the mid-nineteenth century, the administration started paying attention to the problem. As a result, singeing of meadows and fields was limited to a certain spring period. At the beginning of the twentieth century, because of mass migration, anthropogenic forest fires occurred more often and, consequently, resulted in a regional catastrophe. The pyrogenic changes in the environment had an adverse effect on the region’s agro-industrial structure. The administration tightened control of the use of open fire in order to achieve economic aims.

Keywords: Western Siberia, traditional agro-industrial structure, forest fires, environmental administration.

Поставлена цель комплексного изучения практик применения открытого огня в традиционном хозяйстве Западной Сибири в XIX – начале XX в. как русским крестьянством, так и аборигенным населением края. Прослежены последствия этих практик для природной среды региона и обратное воздействие пирогенно измененной среды на агропромышленную структуру. Уделено внимание традиционной регламентации и административному регулированию применения огня в хозяйственной деятельности. Автор применяет историко-этнографический метод, оперирует данными полевой этнографии и аграрной истории. Наибольшим информационным потенциалом по теме статьи обладают материалы фонда Лесного департамента Министерства земледелия и государственных имуществ. Открытый огонь широко применялся в хозяйствах русского крестьянства региона. Поля и межи опалялись с целью уничтожения стерни и сорняков, выжигалась прошлогодняя трава на пастбищах и покосах. На севере региона русские и аборигены «поновляли» огнем лесные ягодные угодья. Аборигены тайги и тундры (ханты, манси, ненцы) поджигали тайгу с целью привлечения на гари промыслового зверя и обновления старых ягельников. Русское скотоводство и оленеводство аборигенов Севера не могли обходиться без «дымокуров» для отпугивания кровососущих насекомых. Русские крестьяне поджигали леса, чтобы приобрести просторные выпасы, свободные от насекомых. Перечисленные

хозяйственные приемы, а также лесные промыслы часто приводили к катастрофическим лесным пожарам. Особенно разрушительны эти катастрофы были для агропромысловой структуры северного пойменного типа, повергая хозяйство в затяжную депрессию (оскудение охотничьего, рыболовного и кедрового промыслов). Лесные пожары в зоне южной тайги и лесостепи приводили, помимо уничтожения леса, к деградации почвы, к осушению болот и обмелению рек. Показано, что русская и аборигенная общины пытались регламентировать «пожоги» и «палы». Однако часто эти ограничения выполнялись только на словах. В середине XIX в. на проблему обращает внимание администрация. Опаливание лугов и покосов ограничивается определенным весенним периодом. В связи с массовым переселенческим движением антропогенные лесные пожары в начале XX в. возникают все чаще, а их последствия носят характер катастроф регионального масштаба. Пирогенные изменения в среде обитания в конечном счете сказывались на агропромысловой структуре отрицательно. Администрация ужесточает надзор за применением открытого огня в хозяйственных целях.

Ключевые слова: Западная Сибирь, пиротехнологии, традиционная культура, лесные пожары, экологическое администрирование.

Лесные и напольные пожары в Сибири происходят регулярно, однако в последние годы их количество и интенсивность резко увеличились. Так, за период с июня по сентябрь 2019 г. количество пожаров превысило среднегодовые значения примерно в полтора раза. Они стали одними из наиболее масштабных за последние 20 лет, к середине августа охваченная огнем площадь превышала 5 млн га. Пожары стали причиной задымления в крупных городах Сибири и Урала [Сасевич, Васильева]. Сибирские пожары в 2019 г. вызвали широкий общественный резонанс. В результате начался процесс пересмотра законодательства об охране лесов и тушении лесных пожаров [Камзолова]. Насколько подобные катастрофы уникальны и насколько связаны с антропогенным фактором, а также каковы могут быть их последствия, помогают представить исторические свидетельства.

В западносибирской агротехнике XIX – начала XX в. широко применялся открытый огонь. В Тобольском уезде практиковался пожар на жниве с целью уничтожения стерни и сорняков [Власова, с. 30–31]. В Тарском уезде, кроме пашни, прибегали к пожару межей: «Пашни каждую весну опаливаются, и этим истребляются зародыши кобылки и других насекомых» [НА РГО. Р. 61. Оп. 1. Д. 24. Л. 2]. Повсеместно в Западной Сибири опаливали покосы и пастбища. Именно за этим хозяйственным приемом закрепилось название «сибирский пал»: «Пал (речение областное) – выжигание старой сухой травы на лугах, чтобы она не препятствовала росту новой» [Академический словарь, с. 141]. Сенокосные угодья имелись в изобилии, и крестьяне, чтобы не допускать снижения продуктивности нескосенных в данном году участков, весной (апрель–май) старую траву на них выжигали [Кузне-

цов, с. 128]. Пал позволял также минимизировать трудовые затраты: «Многие косят траву среди кустарников, небольших лесков, на кочковатой и покрытой пнями почве, а приготовить для сенокоса определенные луга не хотят. Эта причина часто более всего заставляет их обращаться с таким усердием к палам» [Там же, с. 128]. На севере региона, в Кондинском крае, в начале XX в. (1915 г.) устраивались палы «в целях создания лучших покосов на межлесных полянах» [РГИА. Ф. 387. Оп. 18. Д. 68903. Л. 79–79 об.]. Согласно полевым разысканиям автора статьи, в этой местности покосы выжигали еще в 1950-е гг. На юге нынешнего Ямало-Ненецкого автономного округа (Шурышкарский район) русские старожилы и коми-зыряне рассказывают, что покосы опаливали еще в 1920–1930-е гг. [Туров, 2011, с. 15].

В северных борах практиковался «ягодный пал». Тобольское управление Министерства земледелия и государственных имуществ (далее – МЗГИ) в 1915 г. сообщало, что в Кондинском крае «население иногда прибегает к огню для выжигания старых кустов ягод, как например брусники, клюквы... в целях освежения их...» [РГИА. Ф. 387. Оп. 18. Д. 68903. Л. 79]. С. К. Патканов считал, что кондинские манси и ханты начали выжигать боровые брусничники в 1860–1870-е гг. [Патканов, 2003, с. 37]. В экспедициях 1992–1993 гг. на р. Конду автору удалось записать сведения об этом хозяйственном приеме у местного русского старожильского населения. Так, после «опалки» бор дарил человека высокими урожаями ягод уже через три года. Следы данного хозяйственного приема остались в топонимах. В кондинской пойме есть немало боров с характерными названиями: «новый», «паленый». Пал часто становился причиной лесного пожара. Особенно большую опасность представлял собой пал в лесной полосе Западной Сибири, где было много «дубровных покосов» [Колмогоров, 1856b, с. 15; Патканов, 2003, с. 135]. По оценке С. К. Патканова, на севере региона особенно «чувствительны к огню» были береза и ель, меньше страдали сосна и осина. Он также отмечал, что пал менее всего опасен в низменных лугах [Патканов, 2003, с. 134–135]. По мнению П. И. Кириллова (1830-е гг.), именно палы приносили наибольший урон западносибирским лесам [Кирилов, с. 22]. Это же заключение содержится в материалах ревизии Западной Сибири генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова (1850–1851 гг.):

Во всей Западной Сибири существует между крестьян обычай опаливать леса... обычай этот бывал нередко причиною истребления десятков тысяч десятин лесу... [РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 10950. Л. 136 об.].

Повсеместно в регионе отмечалось усиление пожароопасности в весенний период, и, конечно, это было связано с палами. Весенние пожары 1827 г. в лесных массивах Туринского уезда, «происходившие во многих местах... отчего подвергали опасности целые селения ясачных вогулов», были связаны с применением огня в крестьянской агротехнике [РГИА. Ф. 1376. Оп. 1. Д. 27. Л. 23]. «Число пожаров в те-

чение этого времени (первая половина мая 1857 г. – С. Т.) сравнительно с предшествовавшими четырьмя месяцами 1857 года было значительно, именно 11; тогда как из числа 37 пожаров, бывших в первые месяцы сего года, не происходило и по пяти на каждые полмесяца» [О происшествиях, 1857, № 13, с. 102]. В мае 1857 г. близ г. Ишима бушевал сильный напольный пожар: «на довольно большом пространстве горели группы деревьев из породы тальника» [Ишимский обыватель, с. 41]. В том же мае 1857 г. в Ялutorовском и Курганском округах «от выжигания трав» сгорело два леса «более двадцати пяти верст в окружности, стадо баранов, несколько стогов сена» [О происшествиях, 1857, № 14, с. 115].

Таким образом, только за один год XIX в. пожары, спровоцированные палами, нанесли ощутимый ущерб в Tobольской губернии. Н. М. Ядринцев писал в 1880-х гг., что «чудовищные палы для выжигания трав» уничтожили строевые леса в Барабинском лесостепье [Ядринцев, с. 12]. Чиновники Томского управления МЗГИ в 1915 г. отмечали: «Из числа возникающих ежегодно в Томской губернии лесных пожаров 75–80 % приходится на апрель-май месяцы, и причиной возникновения их в это время почти исключительно, являются палы...» [РГИА. Ф. 387. Оп. 18. Д. 68903. Л. 131]. Главное управление Западной Сибири в начале 1850-х гг., опираясь на выводы ревизии Н. Н. Анненкова, предложило запретить палы. Однако по представлению Совета МЗГИ император утвердил 20 февраля 1853 г. лишь ограничения для «спуска палов» «по 1 мая с строгим наблюдением, постановленным по сему предмету в Уставе пожарных правил» [РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 2. Л. 2–3 об.]. Вновь вопрос о палах в конце XIX в. поставило Томское управление МЗГИ. 10 марта 1897 г. были утверждены «Правила о мерах предосторожности при выжигании полей, лугов и степей, а также при разведении огня в лесах Томской губернии». К сожалению, правила эти соблюдались плохо «благодаря отсутствию со стороны сельских волостных властей и крестьянских начальников надзора». Как следствие:

...Крестьянские начальники не входят в соглашение с лесничими о времени выжигания полей. Палы пускаются поэтому в большей части без надзора, почему и заходят с крестьянских земель в казенные лесные дачи, где благодаря безлюдью и бездорожью успевают охватить значительные площади...

Вообще Томское управление было за полное запрещение палов и объясняло свою позицию в 1915 г. следующим:

...Выжигание угодий вошло в обычай в то время, когда в пользовании каждого сибирского крестьянина находились сотни десятин, которые он далеко не в полной мере мог обрабатывать и выкашивать, теперь же старожилы обрезаны в своих владениях, и на обрезках, а равно на боль-

шинстве казенных удобных земель водворены переселенцы, и поэтому большинство земель используется населением, а неиспользованное вытаптывается скотом (это же обстоятельство в борьбе с сорными травами вполне заменяет выжигание). Поэтому, а также и потому, что огонь при выжигании полей уничтожает вместе с сорными травами и без того немногочисленный запас крестьянских и казенных лесов, особенно молодняка, а также налет семян, казалось бы своевременным совершенно отменить обычай пускать пал как более вредный, чем полезный, если не повсеместно в губернии, то, по крайней мере, в местах наиболее населенных [РГИА. Ф. 387. Оп. 18. Д. 68903. Л. 131–132].

«Спускание палов» регламентировалось крестьянской общиной. Так, кондинские старожилы рассказывали автору статьи, что бор палили весной, «когда вода еще под мхом». Решение об «обновлении бора» принимал деревенский сход. После опалки ягоду собирать запрещалось несколько лет. Для нарушителей заповеди предусматривалось наказание. Не следует, однако, переоценивать значение самоограничения крестьянской общины. Вот что писал по этому поводу С. К. Патканов в 1890-х гг.:

...День для пала выбирают по возможности тихий или, по крайней мере, такой, когда ветер не дует на селение или сплошной лес. Назначается этот день крестьянами на сельском сходе, причем о нем извещают и жителей всех соседних селений. Крестьяне каждого селения, участвующего в этой операции, ставят своих караульных для наблюдения за ходом огня. Но, конечно, *эти предосторожности часто соблюдаются лишь на словах* (выделено мной. – С. Т.) [Патканов, 2003, с. 135].

Однако, если бы даже удалось остановить палы, имелось достаточно хозяйственных занятий, которые часто приводили к пожарам. Комиссия «для ревизования государственных имуществ» Н. Н. Анненкова отметила, что многие из «сибирских жителей»

...занимаются на обширном пространстве пустопорожних мест одною лишь лесною промышленностью, часто по небрежности и беспечности своей, не имея за собой никакого надзору, подвергая леса пожарам, истребляющим их ежегодно во многих местах десятками тысяч десятин [РГИА. Ф. 387. Оп. 2. Д. 10950. Л. 167 об.].

В описываемый период время уборки урожая повсюду в России сопровождалось учащением пожаров. Дело в том, что оно совпадало с актуализацией лесных промыслов [Максимов, с. 20–24]. Так, за сентябрь 1852 г. только в Тарском и Омском округах произошло восемь крупных напольных пожаров от «неосторожно разведенного в поле огня, которые при сильной буре опустошили огромные пространства и стоили жизни нескольким десяткам человек» [Прошлогодние напольные пожары]. Тобольское Управление МЗГИ в 1915 г. следующим

образом ранжировало причины лесных пожаров за предшествовавший пятилетний период по степени их опасности: 1) опаливание полей и покосов; 2) выжигание переселенцами леса; 3) разжигание костров и дымокуров; 4) курение табака; 5) тлеющие патронные пыжи; 6) «злостные поджоги»; 7) молния; 8) искры из паровозных труб [РГИА. Ф. 387. Оп. 18. Д. 68903. Л. 79–79 об.].

Одним из самых пожароопасных хозяйственных применений огня была борьба с кровососущими насекомыми [Туров, 2018]. Дымокуры являлись необходимым элементом местного скотоводства.

Когда едешь, например, летом через Барабу... то вся окрестность кажется далеко застланною дымным туманом... У всех околиц поднимаются густые столбы дыма от зажженных навозных куч, складенных в глубокие ямы и прикрытых сверху дерном, чтобы они дымились, а не пылали [Завалишин, с. 12].

Не менее широко «курево» применялось и в лесной полосе края: «курева (кучи зажженного гнилого лесу и навозу) в домах, во дворах и на пастбищах» [Колмогоров, 1856а, с. 20]. Неудобства, причиняемые гнусом скотоводству, вынуждали крестьян лесных местностей округов Томского, Колыванского, Каинского, а в особенности Тарского, Тобольского, Тюменского и Туринского прибегать в середине XIX в. к поджогам лесов [Там же, с. 20–21].

Еще одной причиной применения огня в лесу являлось стремление приобрести новые пахотные угодья. Однако в Западной Сибири у старожильского крестьянства «росчисть» в рассматриваемый период не получила широкого распространения и еще реже сопровождалась «пожогом» [Туров, 1997]. Так, в Нарымском крае в начале XX в. (1901) в старожильческих населенных пунктах росчисть шла очень медленно. В каждом селении этим занимались не более одного-двух хозяев: «Население ниже Нарыма, в хозяйстве которого главную роль играет рыболовство, расчисткой пашни почти не занимается (Каргасок, Подъельник, с. Тымское)» [РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 208. Л. 69]. Осторожное применение пожара на росчисти в данной местности, возможно, кроме прочего, объясняется грандиозными лесными пожарами, бушевавшими здесь в начале 1830-х, начале 1870-х и в 1899 г. [Там же. Л. 59]. В лесостепной зоне (Северо-Западная Бараба) в начале 1860-х гг. в результате пожаров, которые проводились обычно в мае, в Каинском округе Томской губернии имел место «страшный опустошительный пожар». Крестьяне-старожилы после этой катастрофы стали прибегать к пожару на росчисти еще реже [Филимонов, с. 151]. На севере региона, там, где заканчивалась зона возможного земледелия, пожары возникали из-за промысловой деятельности и по причине намеренного поджога лесов аборигенами. Уже упоминавшиеся выше кондинские ханты и манси «поновляли» огнем боры не только с целью увеличения урожая ягод, но и для при-

вращения лося на молодой лиственный подрост. Здесь же в бассейне р. Конды с той же целью в 1920-х гг. выжигали леса тупсайские манси [Адаев, с. 140–141]. По свидетельству землеустроителя Г. Н. Тарасенкова, в это же время ханты и манси Березовского района «иногда зажигают огромные массивы леса, но с целью создания молодой поросли для привлечения лося» [ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 601. Л. 19]. В 1918 г. сильно пострадали от огня леса на Надыме. Молва винила в этих пожарах ненцев [ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 80. Л. 12, 18–18 об.]. Если они выжигали на Надыме лес, то, вероятно, с целью привлечения на обновленные угодья промыслового зверя.

Возможно также, что в северной тайге боры опаливались с целью обновления ягельников. Так, например, в водоразделе рек Куновата и Казыма в 1931 г. были широко распространены боры, выгоревшие 25–35 лет назад. На р. Куновате они составляли около половины подобных угодий. В этих борах были самые продуктивные ягельники. Очень немного было боров, выгоревших относительно недавно и по этой причине лишенных ягеля. Дело в том, что в опаленных борах ягель появляется спустя несколько лет. Возможно, в данном случае мы имеем дело с управляемым процессом обновления ягельных угодий [Там же. Д. 30]. Причинами лесного пожара могли быть хозяйственные занятия аборигенов. Среди них выделяются дымокуры, призванные уберечь от кровососущих насекомых людей и оленей [Адаев, с. 14].

Результатами применения огня в северной тайге иной раз становились катастрофы регионального масштаба. В 1840-х гг. в Березовском округе лес был уничтожен «на многие сотни верст» [Миненко, с. 50]. Н. К. Хондажевский в 1870-е гг. видел по берегам Надыма обширные пожарища [Хондажевский, с. 14]. Скорее всего, это были следы пожаров, бушевавших здесь около 1853 г. К такому заключению пришли специалисты-землеустроители, побывавшие на Надыме в 1933–1934 гг. В этом же 1853 г. горели леса и в Приуральском районе. «Со слов местных жителей», по р. Собь-Юган в это время выгорели леса на площади в 500 га [ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 80. Л. 12, 18–18 об.]. Сильно горели леса на Надыме в 1883 г. Во время этих пожаров «деревья обгорали и валялись с вывернутыми из почвы корнями». Во время уже упоминавшихся пожаров на Надыме 1918 г. «было уничтожено все горючее, почва была оголена до песка» [Там же. Л. 32–38 об.].

Понятно, что в подобных случаях негативные последствия перекрывали все ожидаемые хозяйственные выгоды. Пожары-катастрофы, в результате которых выгорали леса на больших пространствах, повергали хозяйственную структуру оседлого населения средней тайги в депрессивное состояние. От них погибали или надолго уходили далее в дебри животные. В конце 1860-х гг. по р. Демьянке, вплоть до Оби, огнем были уничтожены все леса [Патканов, 1999, с. 167]. Еще в 1890-х гг. по этой причине демьянские крестьяне вынуждены были «кортомить» кедровники у аборигенов на большом

удалении от своих поселений [Гамолецкий, с. 241]. Большинство кедровых боров на Средней Оби также погибло в пламени пожаров, часто спровоцированных человеком, уже в конце XIX в. В силу этого, например, старожилы Селеяровской волости Сургутского уезда вынуждены были покупать или «кортомить» кедровый лес в тех местах, где он еще оставался, – в юртах Алекиных, Елыковых, а также у остяков по рекам Малый и Большой Салым [Патканов, 2003, с. 100, 118].

Особенно страшные лесные пожары охватили Среднее Приобье в 1915 г., огромные массивы кедровников были полностью уничтожены. Дым застилал солнце на протяжении 45 дней, из-за чего было остановлено пароходное сообщение, надолго покинул местные урманы соболь, серьезно пострадал рыболовный промысел [Пирожников, с. 92, 123]. Во время катастрофических лесных пожаров в воду рек и озер попадали в большом количестве продукты горения, что могло привести к массовой гибели рыбы. «Жители Березова ранее были богаче, очень многие имели крытые лодки, плавали на промысла. Опустошительные пожары разорили народ», – писал о последствиях лесных пожаров 1890-х гг. в Березовском крае Н. Л. Скалозубов [Скалозубов, с. 360]. На юге региона еще в середине XIX в. отмечалось оскудение лесов в связи с антропогенными пожарами. Удручающей была обстановка, например, в Барабинском лесостепье: «В степи очень мало лесу. Лес давно выгорел. Кроме небольших берез по сторонам дороги, на тысячеверстном почти протяжении не видно никаких других деревьев» [НА РГО. Р. 55. Д. 19. Л. 10 об.].

Однако настоящая катастрофа разразилась в конце XIX – начале XX в., когда в Западную Сибирь двинулся нарастающий поток переселенцев из Европейской России. Данные по Тобольской губернии дают некоторое представление о случившемся. Так, в Тарском уезде рост числа пожаров от небрежного обращения с огнем начинался уже на стадии следования по лесным дорогам партий переселенцев и так называемых ходоков к выделенным участкам [РГИА. Ф. 387. Оп. 7. Д. 40785. Л. 3]. Затем переселенцы приступали к пожогу на росчисти: «...лес сразу не сгорает, а обугливается, для уничтожения его переселенцы вынуждены пускать огонь ежегодно» [Там же. Л. 3 об.]. В результате пожоги приводили к лесным пожарам также ежегодно. Так, например, с 1898 по 1901 г. леса здесь горели практически непрерывно. Лес выгорал ежегодно десятками тысяч десятин. В 1901 г. из-за засушливого лета и осени пожары приняли «особенно значительные угрожающие размеры и положительно заволокли густым дымом все окрестности г. Тары» [Там же. Л. 2–3]. При этом первым делом гибли хвойные насаждения, и самые ценные из них – кедровники. От них оставались только топонимы: Николаевский, Васюшкин. Уничтожался плодородный слой почвы, «без которого в будущем едва ли возможно надеяться на урожай хлеба». Исчезновение лесов вело к осушению болот и обмелению рек. Так, в 1900 г. обмелели реки Уй, Шиш, Туй, «чего прежде никогда не бывало», обсохло большинство болот.

В результате в начале XX в. в Тарском уезде в три раза сократились посевы ржи [Там же. Л. 3–3 об.].

Описанные выше или подобные изменения в среде обитания происходили повсеместно. Леса в земледельческой полосе губернии горели сотнями тысяч десятин:

В 1901 г. пострадала от пожара самая ценная лесная дача Тобольской губ. – Илецко-Иковская Курганского у. общей площадью 90 000 дес. (самый южный сосновый массив в степной местности на границе Оренбургской губернии), из которой погибло около четвертой части [РГИА. Ф. 387. Оп. 13. Д. 55843. Л. 13].

В 1915 г. только в Северно-Туртасской казенной лесной даче лес горел на площади 800 тыс. десятин – это были почти все хвойные насаждения данного участка [РГИА. Ф. 387. Оп. 18. Д. 68903. Л. 77–77 об.]. В 1915 г. Тобольское управление МЗГИ подвело итог последствиям для лесов края от массированного применения пожара на росчисти переселенцами:

Многолетний опыт по образованию переселенческих участков в Тобольской губ. показывает, что благодаря отводу таковых в центре дач без всякого соображения о возможности охранить последние от огня, которым поселенцы пользуются в широких размерах для образования на участках полевых угодий, повлекло за собою уничтожение лучших лесных массивов, и там, где лет 10–15 тому назад красовались сосняки и кедровники, ныне имеются лишь обгорелые пни и масса валежа [Там же. Л. 90 об.].

По мнению современных ученых-экологов, период XIX – начала XX в. стал эпохой наиболее интенсивного пирогенного воздействия на леса региона. Лесные пожары в это время происходили на порядок чаще, чем в XVII–XVIII вв. Пожары стали особенно обширными и продолжительными – они длились по несколько лет подряд. Выгорали огромные территории в несколько десятков миллионов гектаров. Особенно большой урон понесли южная тайга, подтаежная и лесостепная зоны. Экологи считают также, что общепринятое на сегодня ландшафтно-климатическое зонирование есть результат наблюдений исследователями начала XX в. уже измененного под антропогенным воздействием ландшафта и климата. Массированное уничтожение леса антропогенными пожарами привело к почти полному замещению темнохвойных и широколиственных видов мелколистными, а также к аридизации климата [Харитоненков, с. 32].

Таким образом, в XIX – начале XX в. огонь широко применялся в хозяйстве западносибирского крестьянства и аборигенного населения севера региона. В качестве хозяйственного инструмента он являлся атрибутом экстенсивного хозяйствования в условиях слабой заселенности и предназначался для дешевого и быстрого введения

в хозяйственный оборот новых угодий или поддержания в продуктивном состоянии уже имевшихся. Часто огонь вырывался за предназначенные ему рамки хозяйственного инструмента, что приводило к катастрофическим последствиям как для природы, так и для агропромышленной структуры¹. Меры по регламентации и ограничению применения огня в хозяйственных целях, осуществлявшиеся населением и властями, не привносили существенных изменений в эту ситуацию. В результате антропогенных пожаров, вызванных прежде всего хозяйственной деятельностью, в XIX – начале XX в. резко сократились площади, занятые лесами, изменился их видовой состав. На юге региона, кроме этого, произошли кардинальные ландшафтно-климатические сдвиги. Однако только на первый взгляд рассмотренные выше хозяйственные практики и их последствия носили спонтанный характер, граничивший с хаосом. Несмотря на все издержки, вектор происходивших изменений был направлен на трансформацию природы (пространства) в среду обитания, в достаточной степени упорядоченную и отвечающую основным требованиям традиционной агропромышленной структуры.

Список литературы

Адаев В. Н. Дым над тайгой и тундрой: огонь в культуре северных народов Западной Сибири как средство преобразования среды обитания // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 2 (41). С. 138–145. DOI 10.20874/2071-0437-2018-41-2-138-147.

Академический словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук : в 4 т. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1847. Т. 3. 591 с.

Власова И. В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII–XVIII вв. М. : Наука, 1984. 232 с.

Гамолецкий К. В. Демьянская волость // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург : Сред.-Урал. книж. изд-во, 1998. С. 218–299.

ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 601.

ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 30, 80.

Завалишин И. Описание Западной Сибири : в 3 т. М. : Изд. О-ва распространения полезных книг, 1865. Т. 2. 276 с.

Ишимский обыватель. Сообщения из Ишима // Тобол. губерн. ведом. 1857. № 8. С. 41–42.

Камзолова А. Минприроды предлагает поменять систему тушения лесных пожаров // Рос. газ. : [сайт]. 2019. 26 сент. URL: <https://rg.ru/2019/09/26/minprirody-predlagaet-pomeniat-sistemu-tusheniia-lesnyh-pozharov.html> (дата обращения: 21.08.2020).

Кирилов П. И. Очерк Сибири. СПб. : [Б. и.], 1839. 41 с.

Колмогоров Г. Очерк лесов и лесных промыслов Северо-Западной Сибири // Журн. М-ва внутр. дел. 1856а. № 10. С. 12–29.

Колмогоров Г. Город Тара и его округ Тобольской губернии // Журн. М-ва внутр. дел. 1856б. № 20. С. 5–38.

Кузнецов Д. Сибирские палы // Томск. губерн. ведом. 1863. № 20. С. 125–128.

¹ Эти катастрофы своеобразно преломлялись в искусстве Урала: в живописи можно назвать картины А. К. Денисова-Уральского [Budrina], в литературе – произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка [Соболева].

- Максимов С. В. По русской земле. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2013. 960 с.
- Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. : ист.-этногр. очерк. Новосибирск : Наука, 1975. 308 с.
- НА РГО. Р. 55. Оп. 1. Д. 19; Р. 61. Оп. 1. Д. 24.
- О происшествии в Тобольской губернии за первую половину мая 1857 года // Тобол. губерн. вedom. 1857. № 13. С. 102–103.
- О происшествии в Тобольской губернии за вторую половину мая 1857 года // Тобол. губерн. вedom. 1857. № 14. С. 115–116.
- Патканов С. К. По Демьянке: Бытовой и экономический очерк // Патканов С. К. Соч. : в 2 т. Тюмень : Изд-во Мандрика, 1999. Т. 1. С. 123–183.
- Патканов С. К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии : в 5 т. Тюмень : Изд-во Мандр и К^о, 2003. Т. 4. Ч. 3. 336 с.
- Пирожников Г. Обь-Иртышский Север : этногр. очерк // Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север : ист.-краеведч. сб. Ханты-Мансийск ; Сургут : Сев.-Сиб. регион. книж. изд-во, 2002. С. 90–191.
- Прошлогодные напольные пожары в Тобольской губернии // Журн. М-ва внутр. дел. 1853. № 3. С. 13–15.
- РГИА Ф. 387. Оп. 2. Д. 10950; Оп. 7. Д. 40785. Оп. 13. Д. 55843. Оп. 18. Д. 68903; Ф. 1265. Оп. 2. Д. 2; Ф. 1273. Оп. 1. Д. 208; Ф. 1376. Оп. 1. Д. 27.
- Сасевич Ю., Васильева А. Природа свое сожжет // Коммерсантъ. 2019. 13 авг. С. 3.
- Скалозубов Н. Л. Дневник // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург : Средне-Урал. книж. изд-во, 1998. С. 359–390.
- Соболева Л. Природные стихии в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Хлеб» // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 52–70. DOI 10.15826/qr.2015.2.095.
- Туров С. В. К вопросу об экологических аспектах сельского хозяйства Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 1997. Вып. 1. С. 141–148.
- Туров С. В. Экологические аспекты производящих отраслей традиционного хозяйства старожильского населения (русские, коми) Обдорского края (конец XVIII – первая треть XX века) // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Гуманитар. исслед. 2011. № 2. С. 12–19.
- Туров С. Освоение Западной Сибири в аспекте исторической энтомологии (XVII – начало XX в.) // Quaestio Rossica. Т. 6. 2018. № 2. С. 550–562. DOI 10.15826/qr.2018.2.312.
- Филимонов Е. С. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Северо-Западной Барабы, или Спасского участка Каинского округа Томской губернии. СПб. : Тип. «Счетовод» Г. Букешина, 1892. 212 с.
- Харитоненков М. А. Преобразование лесного покрова юга Западно-Сибирской равнины в XVII–XIX вв. в результате ее освоения переселенцами // Лесоведение. 2012. № 5. С. 29–35.
- Хондажевский Н. К. Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарова и северных тундр между Обскою губою и Сургутом // Зап. Зап.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. 1880. Кн. 2. С. 78–109.
- Ядринцев Н. М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ // Зап. Зап.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. 1880. Кн. 2. С. 1–147.
- Budrina L. Wildfire in A. K. Denisov-Uralsky's Canvases: Destinies of the Paintings // Quaestio Rossica. 2015. № 2. Р. 41–51. DOI 10.15826/qr.2015.2.094.

References

- Adaev, V. N. (2018). Dym nad taigoi i tundroi: ogon' v kul'ture severnykh narodov Zapadnoi Sibiri kak sredstvo preobrazovaniya sredy obitaniya [Smoke over Taiga and Tundra: Fire in the Culture of the Northern Peoples of Western Siberia as a Means of Transforming the Environment]. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. No. 2 (41), pp. 138–145. DOI 10.20874/2071-0437-2018-41-2-138-147.

Akademicheskii slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyi Vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii Nauk v 4 t. [An Academic Dictionary of the Church-Slavonic and Russian Language, Compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. (1847). St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 3. 591 p.

Budrina, L. (2015). Wildfire in A. K. Denisov-Uralsky's Canvases: Destinies of the Paintings. In *Quaestio Rossica*. No. 2, pp. 41–51. DOI 10.15826/qr.2015.2.094.

Filimonov, E. S. (1892). *Ekonomicheskii byt gosudarstvennykh krest'yan i inorodtsev Severo-Zapadnoi Baraby, ili Spasskogo uchastka Kainskogo okruga Tomskoi gubernii* [The Economic Life of State Peasants and Foreigners of the North-Western Baraba, or the Spassky Section of Kainsk District, Tomsk Province]. St Petersburg, Tipografiya "Schetovod" G. Bukeshina. 212 p.

Gamoletskii, K. V. (1998). Dem'yanskaya volost' [Demyansk Volost]. In *Tobol'skii Sever glazami politicheskikh ssyl'nykh XIX – nachala XX veka*. Yekaterinburg, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 218–299.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 3977. List 1. Dos. 601.

GAYANAO [The Yamal-Nenets Autonomous District State Archive]. Stock 12. List 1. Dos. 30, 80.

Ishim citizen (1857). Soobshcheniya iz Ishima [Messages from Ishim]. In *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. No. 8, pp. 41–42.

Kamzolova, A. (2019). Minprirody predlaet pomenyat' sistemu tusheniya lesnykh pozharov [The Ministry of Nature Suggests Changing the System of Fighting Forest Fires]. In *Rossiiskaya gazeta* [website]. 26 September. URL: <https://rg.ru/2019/09/26/minprirody-predlaet-pomeniat-sistemu-tusheniya-lesnykh-pozharov.html> (accessed: 21.08.2020).

Kharitonov, M. A. (2012). Preobrazovanie lesnogo pokrova yuga Zapadno-Sibirskoi ravniny v XVII–XIX vv. v rezul'tate ee osvoeniya pereselentsami [Transformation of the Forest Cover of the South of the West Siberian Plain in the 17th–19th Centuries as a Result of Its Development by Settlers]. In *Lesovedenie*. No. 5, pp. 29–35.

Khondazhevskii, N. K. (1879). Zimnee issledovanie nagornogo berega Irtysha ot Tobol'ska do Samarova i severnykh tundr mezhdru Obskoyu guboyu i Surgutom [Winter Research of the Mountainous Shore Front of Irtysh from Tobolsk to Samarovo and the Northern Tundra between the Gulf of Ob and Surgut]. In *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Book 2, pp. 78–109.

Kirilov, P. I. (1839). *Ocherk Sibiri* [An Essay on Siberia]. St Petersburg, S. n. 41 p.

Kolmogorov, G. (1856a). Ocherk lesov i lesnykh promyslov Severo-Zapadnoi Sibiri [Essay on Forests and Forest Industries of North-Western Siberia]. In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. No. 10, pp. 12–29.

Kolmogorov, G. (1856b). Gorod Tara i ego okrug Tobol'skoi gubernii [Tara Town and Its District of Tobolsk Province]. In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. No. 20, pp. 5–38.

Kuznetsov, D. (1863). Sibirskie paly [Siberian Sites of Fire]. In *Tomskie gubernskie vedomosti*. No. 20, pp. 125–128.

Maksimov, S. V. (2013). *Po russkoi zemle* [On Russian Soil]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii. 960 p.

Minenko, N. A. (1975). *Severo-Zapadnaya Sibir' v XVIII – pervoi polovine XIX v. Istoriko-etnograficheskii ocherk* [North-Western Siberia in the 18th – First Half of the 19th Centuries. An Historical and Ethnographic Sketch]. Novosibirsk, Nauka. 308 p.

NA RGO [Scientific Archive of the Russian Geographical Society]. Stock 55. List 1. Dos. 19; Stock 61. List 1. Dos. 24.

O proisshes'tviyakh v Tobol'skoi gubernii za pervuyu polovinu maya 1857 goda [On Incidents in Tobolsk Province in the First Half of May 1857]. (1857). In *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. No. 13, pp. 102–103.

O proisshes'tviyakh v Tobol'skoi gubernii za vtoruyu polovinu maya 1857 goda [On Incidents in Tobolsk Province in the Second Half of May 1857]. (1857). In *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. No. 14, pp. 115–116.

Patkanov, S. K. (1999). Po Dem'yanke: bytovoi i ekonomicheskii ocherk [Dem'yanka: An Essay on Everyday Life and Economy]. In Patkanov, S. K. *Sochineniya v 2 t.* Tyumen, Izdatel'stvo Mandrika. Vol. 1, pp. 123–183.

Patkanov, S. K. (2003). *Ekonomicheskii byt gosudarstvennykh krest'yan i inorodtsev Tobol'skogo okruga Tobol'skoi gubernii v 5 t.* [The Economic Way of Life of the State Peasants and Foreigners of Tobolsk District, Tobolsk Province. 5 Vols.]. Tyumen, Izdatel'stvo Mandr i Co. Vol. 4. Part 3. 336 p.

Pirozhnikov, G. (2002). Ob'-Irtyshskii Sever. Etnograficheskii ocherk [The North of Ob-Irtysh. An Ethnographic Essay]. In *Takoi dalekii i takoi blizkii Ob'-Irtyshskii sever. Istoriko-kraevedcheskii sbornik.* Khanty-Mansiysk, Surgut, Severo-Sibirskoe regional'noe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 90–191.

Proshlogodnie napol'nye pozhary v Tobol'skoi gubernii [Last Year's Field Fires in Tobolsk Province]. (1853). In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del.* No. 3, pp. 13–15.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 387. List 2. Dos. 10950; List 7. Dos. 40785; List 13. Dos. 55843; List 18. Dos. 68903; Stock 1265. List 2. Dos. 2; Stock 1273. List 1. Dos. 208; Stock 1376. List 1. Dos. 27.

Sasevich, Yu., Vasilieva, A. (2019). Priroda svoe sozhzhet [Nature Will Burn in Its Own Way]. In *Kommersant*. 13 August, p. 3.

Skalozubov, N. L. (1998). Dnevnik [Diary]. In *Tobol'skii Sever glazami politicheskikh ssyl'nykh XIX – nachala XX veka.* Yekaterinburg, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 359–390.

Soboleva, L. (2015). Prirodnye stikhii v romane D. N. Mamina-Sibiryaka “Khleb” [Elements of Nature in D. N. Mamin-Sibiryak's Novel *Bread*]. In *Quaestio Rossica.* No. 2, pp. 52–70. DOI 10.15826/qr.2015.2.095.

Turov, S. (2018). Osvoenie Zapadnoi Sibiri v kontekste istoricheskoi entomologii (XVII – nachalo XX v.) [The Development of Western Siberia in the Context of Historical Entomology (17th – Early 20th Centuries)]. In *Quaestio Rossica.* Vol. 6. No. 2, pp. 550–562. DOI 10.15826/qr.2018.2.312.

Turov, S. V. (1997). K voprosu ob ekologicheskikh aspektakh sel'skogo khozyaistva Zapadnoi Sibiri v XVIII – pervoi polovine XIX vv. [The Ecological Aspects of Agricultural Issues in Western Siberia in the 18th – First Half of the 19th Centuries]. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii.* Iss. 1, pp. 141–148.

Turov, S. V. (2011). Ekologicheskie aspekty proizvodnykh otraslei traditsionnogo khozyaistva starozhil'cheskogo naseleniya (russkie, komi) Obdorskogo kraia (konets XVIII – pervaya tret' XX veka) [The Ecological Aspects of Production Industries among the Old Resident Traditional Farming Population (Russians, Komi) in Obdorsk Region (Late 18th – First Third of 20th Centuries)]. In *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya.* No. 2, pp. 12–19.

Vlasova, I. V. (1984). *Traditsii krest'yanskogo zemlepol'zovaniya v Pomor'e i Zapadnoi Sibiri v XVII–XVIII vv.* [Traditions of Peasant Land Tenure in Pomorye and Western Siberia in the 17th–18th Centuries]. Moscow, Nauka. 232 p.

Yadrintsev, N. M. (1880). Poezdka po Zapadnoi Sibiri i v Gornyi Altaiskii okrug [A Trip to Western Siberia and the Altai Mountain District]. In *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva.* Book 2, pp. 1–147.

Zavalishin, I. (1865). *Opisanie Zapadnoi Sibiri v 3 t.* [Description of Western Siberia. 3 Vols.]. Moscow, published by Obshchestvo rasprostraneniya poleznykh knig. Vol. 2. 276 p.

The article was submitted on 17.05.2020